

ГРИГОРІЙ СКОВОРОДА
Український Філософ

[И. Срезневский].

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

о

СТАРЦЪ ГРИГОРІЙ СКОВОРОДЪ.

Pro sua cuique parte.

Cicero.

Григорій Скворода ¹⁷²² родился 1726 года
умеръ 1794 года. Жилъ 68 лѣтъ.

«Судьба захотѣла быть Сквородъ мачихой.» — Такъ выразился однажды одинъ изъ безприспрасныхъ почипашелей памяти сего необыкновеннаго чловѣка, философа или богумудра, какъ называли его сограждане, снарца, какъ называлъ онъ самъ себя.

Назначивъ ему, еще девятилѣтнему опроку, жестокій удѣлъ сиротства, она сдѣлала его съ этой ранней поры жалкою игрушкой случая, и съ этой ранней поры, поспавивъ его на поприще самыхъ суровыхъ, самыхъ горькихъ испытаній, заставляла его

пріучається сносити равнодушно всѣ непріятности и угнетенія, и наконецъ взлелѣяла въ немъ то хладнокровіе наблюдателя, ту независимость въ образѣ мыслей, ту странную причудливость въ образѣ поступковъ, наконецъ ту постоянную охоту учиться познанію свѣта, спрансивуя, и вѣчно учисься и вѣчно спрансвивовати, кои въ послѣдствіи времени образовали его характеръ, можетъ быть, совершенно противно его сложенію, его природнымъ склонностямъ.

Сквозорода ошъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное, слѣдственно и соспрадастельное, и склонное къ любви и дружбѣ; но, росшій и выросшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ такому состоянію одиночества, — и сердце его должно было проспитъ съ нѣжными чувствами, подпастъ подъ иго меланхоліи, и заглубить, а недовѣрчивость, вскармленная опытами, погасила въ немъ и послѣднюю искру чувствительности, — и судьба наконецъ взяла свое — съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія ошъ людей и свѣта, чувство единственное, какое могло питать оно. И могло ли быть иначе? Тотъ только можетъ родниться съ другимъ своими чувствами, чье сердце съ дѣтства привыкло любить родственнымъ любовью, дышати и дѣлаться родственнымъ доверіемъ.

Умъ Сквороды шель пою же дорогой: сначала бодрый, игривый, онъ мало по малу тяжель, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ мрачную бездну миспицизма. Припомъ вспомнимъ время, когда жилъ Скворода: миспики или квієписшы разыгривались погда повсюду въ Германіи, — Скворода побывалъ въ эшой сипранъ, и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими, исключая родины своей. — Легко понять, отъ чего Скворода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ миспицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, своеобычный, себялюбивый, гордый — признакъ необходимый ума строптиваго, — въ простомъ крестьянскомъ плашѣ, съ причудами, — Скворода могъ по справедливости заслужить это названіе. Онъ жилъ самъ собою, — это всякому покажется чуднымъ.

Скворода жилъ самъ собою, удаляясь всегда отъ людей какъ отъ ближнихъ, зная и изучая ихъ, какъ изучаетъ Еспієспвоиспытатель хищныхъ звѣрей; это правда; но тѣмъ не менѣе онъ желалъ блага человѣчеству. Онъ убѣгалъ людей не потому, что презиралъ ихъ, а можетъ быть, потому, что боялся. — Это видно изъ всѣхъ его

сочиненій, содержащихъ въ себѣ впрочемъ не
 одиѣ только нравоученія, но часто и жес-
 топчайшія сатиры на пороки — и чаще по-
 слѣднія. Этого духъ сатиризма — самая ра-
 зительная черта его характера. Онъ вездѣ
 находилъ, или лучше сказать, вездѣ старал-
 ся найдти худую сторону, — и это самое
 всегда унижало его благородное стремленіе
 къ пользѣ общей. Но — человекъ неволѣнъ
 самъ въ себѣ. И его добродѣтели, и его по-
 роки, и спранныости, и образъ мыслей, все
 въ немъ часто зависить отъ обстоятельствъ,
 все въ немъ такъ шатко, такъ переходчиво!
 Обстоятельства.... надобно имѣть слишкомъ
 твердый, слишкомъ самостоятельный духъ,
 чтобы быть въ состояніи проивустоять
 ихъ власни. Могъ ли Сковорода мыслишь
 иначе, нежели какъ онъ мыслилъ, или инымъ
 взглядомъ смотрѣшь на все, его окружаю-
 щее! Его жизнь — вопль гдѣ должно искать
 основанія всей его философіи, его холодного
 мистицизма, любившаго утѣшаться ирони-
 ческими взглядами на самое возвышенное въ
 природѣ человеческой; жизнь — сѣвленіе бѣд-
 ствій и угнетеній. И Руссо винилъ челове-
 чество, и Руссо глядѣлъ на него такими же
 глазами. Причины были иѣ же. Вопль что
 говорилъ Сковорода самъ о своей жизни: —
 «Что жизнь? То сонъ Турка, упоеннаго
 опиумомъ, сонъ спрашныи, — и голова

боялись отъ него, и сердце спыненъ! Что жизнь! То спранспіе. Прокладываю себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти, — и всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утесами, а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но бодрствуй! не предавайся опчаянію. Оно смертный грѣхъ.» — И Скворода дѣйствительно провелъ всю жизнь свою, какъ спранспіе, — какъ будто осуществляя мечту своего воображенія, а лучшіе годы своей жизни рѣшительно путешествовалъ, исходилъ всю Германію, Венгрію, Италію, Грецію, Россію, и возвратился на родину, что бы снова блуждать по оной. Даже въ старости своей, онъ не могъ надолго успокоиться на одномъ мѣстѣ.

Первое изъ его правоучительныхъ сочиненій было: *Нагальная дверь ко Христіанскому добронравію*. Скворода тогда только что возвратился изъ-за границы. Будучи проникнутъ новымъ ученіемъ, онъ желалъ распространить его и на своей родинѣ. Бѣдный спранникъ, въ рубищѣ, является онъ въ Харьковъ, и опредѣляется Учителемъ въ Коллегіумъ. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчьи. Ему препоручили преподаваніе Богословія. Въ предварительной проповѣди онъ высказалъ нѣкошо-

рые мысли свои, — и напугалъ непрсвѣщен-
ныхъ своихъ товарищей. И въ самомъ дѣлѣ,
могли ли они не быть пораженны такимъ
громкимъ вспугненьемъ. Выписываю оное сло-
во въ слово: — «Убуждшеся, видѣша славу
Его! Весь міръ спитъ: да еще не такъ
спитъ, како сказано, аще упадешъ—не раз-
бѣшся.... спитъ глубоко, пропшянувшись,
будно ушибенъ опъ нея. А наставники, па-
суція Израиля, не только не пробуживаются,
но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не-
бойсь, мѣсто хорошее, чего опасаться!
Миръ! — И нѣсть мира!» —

Воленіе было гошово; но эпо было толь-
ко начало, и скоро все зашгло.— Сковорода
началъ свои уроки, написалъ вышепомянутое
сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, опдалъ
рукопись, — и тогда-то буря возспала на
него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ.
Духовенство съ жадностію читало ее; но
какъ нѣкоторые въ ней мѣста найдены со-
мнительными: то Сковороду осудили на от-
рѣшеніе опъ должности. Конечно, въ семь
случаѣ дѣйствовала болѣе зависть, но какъ
бы то ни было, невѣжество было для нее
очень достаточною подпорой, и оно-то все-
го болѣе оскорбило Сковороду. Назначены
были диспуты. Сочиненіе разобрано на нхъ
съ самой дурной стороны, все использовано
въ смыслъ превращномъ; Сковороду обвинили

въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ своихъ противниковъ умно, краснорѣчиво; всѣ тайно восхищались его краснорѣчіемъ, но рѣшеніе осталось прежнее. Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.

Въ краткихъ словахъ я расскажу содержаніе сего сочиненія, столь дорого спойвшаго сочинителю. — Оно состоитъ изъ Предверія и десяти Главъ. Въ Предверіи говорится о различіи между духомъ и тѣломъ, Богомъ и міромъ. Главная мысль, выраженная въ ономъ, есть: — Нѣтъ ничего нужнѣе, какъ счастье, и нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть онаго: счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь въ законѣ Вѣчнаго. — Заключение: — Желаю, дабы душа твоя, какъ Ноева голубица, необрѣвши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу твоему, къ Тому, кто почиваетъ въ сердцѣ твоемъ, дабы сбылось оное Исаино: будущъ основанія Твои вѣчная родомъ родовъ и прозовешися здѣшью оградъ, и спеси твои посреди упокоили, — сего желаетъ тебѣ Григорій, сынъ Савы Сковороды. — Глава 1. О Мірѣ видимомъ и невидимомъ, о Богѣ. — Глава 2. О вѣрѣ всеобщей. — Глава 3. О всеобщемъ промыслѣ. — Глава 4. О промыслѣ надъ человекомъ. — Глава 5. Заповѣди. — Глава 6. Объ истинной вѣрѣ. Вѣра, Надежда и Любовь. — Глава 7. Выписываю оную

всю сокращенно: — Вся сила заповѣдей заключается въ одномъ словѣ — Любовь. Она — огонь, воспаляющій сердце волею Божіей, и пошому сама — Богъ. Она имѣетъ свои внѣшніе виды, обряды, кои суть по же, что у плодовъ лисны. Но если въ челоѣкъ она соединитъ только изъ внѣшнихъ обрядовъ, тогда остается одинъ обманъ лицемерія, и челоѣкъ становится раскрашеннымъ гробомъ, гдѣ или ничего, или прахъ мертваго. Обрядъ же — все то, что можетъ исполнять и самый несчастный бездѣльникъ. — Глава 8. Законъ Божій и преданіе. — Глава 9. О справахъ и порокахъ. — Глава 10. О чистосердечіи, какъ основаніи любви, и слѣдовательно Вѣры.

Это сочиненіе и нѣсколько проповѣдей положили основаніе славы и уваженію, коими пользовался Сковорода вездѣ, гдѣ его знали. Спрогая добродѣтель и примѣрные правила еще болѣе увеличили оныя. Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Я уже сказалъ, что онъ жилъ самъ собою, и никогда не заботился ни о похвалѣ, ни о порицаніи. Если онъ былъ оскорбленъ сужденіемъ о своемъ сочиненіи, то пошому, что здѣсь спрадало его себялюбіе: онъ не могъ равнодушно сносить, чтобы унижали его умъ, его мысли; но онъ нѣмъ не чесполубіе; по

крайней мѣрѣ, сіе послѣднее въ немъ никогда не выказывалось. Замѣчу : онъ любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ ; кромѣ Славянскаго церковнаго, Русскаго и Украинскаго, онъ зналъ Нѣмецкій, Греческій и Латинскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Уваженіе къ Сквородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселялся онъ хоть на нѣсколько дней. Здѣсь ксшаша сказать о его безкорыстіи. Онъ могъ бы соспавить себя подарками порядочное состояніе; но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря ; дайше неимущему, и самъ довольствовался только сѣрою свиной, которая была обыкновенною его одеждой. Эта сѣрая свинья, чтобы про-запасъ, и нѣсколько свишковъ сочиненій, — вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши спрансировать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу, и перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя своими неразлучными спутниками : палкой-журавлемъ и флейпой. И то и другое было собственнаго его рукодѣла.

Мнѣ кажется очень страннымъ, какъ Скворода миспикъ и шакой холодный, пасмур-

ный миспикъ, могъ любить музыку, — и между пѣтъ музыка была его единственнѣмъ удовольствіемъ. Или это привычка дѣтства? — Онъ началъ свое музыкальное поприще еще въ домѣ отца своего — *сопилькою*. Тамъ, одѣвшись въ юфиевое платье, онъ отправлялся съ раннего утра въ рощу или на берегъ рѣчки, и наигрывалъ на ней, какъ говоришь народъ, священные гимны. Мало по малу усовершенствовалъ онъ инструментъ свой до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвучихъ, — эти поднебесные спранники были первыми его учителями искусства мусикійскаго. Въ послѣдствіи, когда былъ опредѣленъ ученикомъ въ Кіевскую Семинарію, тамъ замѣтили его прекрасный звучный голосъ, замѣтили его умѣнье управлять имъ и знаніе музыки, взяли его въ пѣвческую, и онъ скоро сдѣлалъ столь удивительные успѣхи, что былъ потребованъ къ Двору Императрицы Елисаветы, гдѣ находился около двухъ лѣтъ. Находясь тамъ, онъ сложилъ песнь для духовной пѣсни: *Иже Херувимъ*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украинѣ (*). Съ тѣхъ поръ музыка и пѣнье

(*) Напѣвъ сей духовной пѣсни подъ именемъ: *придворнаго*, помѣщенъ въ сбѣднѣ, по Высочайшему повелѣнію, напечатанной и разосланной по всѣмъ церквамъ для

содѣлались постояннымъ занятіемъ Сквороды. Онъ не оспаривалъ ихъ и въ спаросии. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, живучи въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного спаричка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, просодушныхъ спариковъ, подобныхъ хозяину. Бывали вечера и музыкальные, и Скворода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ ргіто, и за слабостію голоса, выпячивалъ прудные Solo на своей флейтѣ — такъ называлъ Скворода *сопилку*, имѣ усовершенствованную. Впрочемъ Скворода игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая свою важность, задумчивость и сурзвостъ. Флейта была, какъ я уже сказалъ, неразлучною спутницей Сквороды, — и переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальные фанпазіи и симфоніи.

Рѣдко, очень рѣдко Скворода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ

единообразіи въ Церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Скворода сложилъ веселый и шоржесшвенный напѣвъ: *Христосъ Воскресе*, и Канона Пасхи: *Воскресеніа день* и проч., вылъ употреблемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолейнаго напѣва, и вездѣ именуемый: *Сквородинъ*.

Примѣч. Г. О. К — и.

такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый старецъ, онъ былъ однако застѣнчивъ, и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой; онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто нибудь изъ давно-желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣспвіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ Пискуновскаго, старика, любимаго Сквородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной стариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали старики рассказы и нравоученія старца, который, выпивши на эпопѣ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хощя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ, и другой, и ничто не мѣшало воспергу рассказчика и слушателей. Скворода началъ говорить о своемъ сочиненіи: *Лотова жена*, сочиненіи, въ коемъ изложилъ онъ главныя основанія своей мистической философіи. Къ сожалѣнію, не могу представить вамъ ни одного опрывка изъ онаго, ибо не имѣю теперь его подъ руками. Скворода рассказалъ уже очеркъ; начинающае подробности; — вдругъ дверь съ шумомъ разпоярывается, половники хлопають, — и молодой Х — ъ, франтъ, не давно изъ столицы,

вбѣгаетъ въ комнату. Скворода при появлении сего новаго незнакомаго и споль ему чуждаго лица, умолкъ внезапно, будпо оглушенный ударомъ грома. — «И пакъ, восклицаетъ X — ъ: я наконецъ доспигъ шого счастья, котораго споль долго и напрасно жаждалъ. Я вижу наконецъ великаго соопеченника моего, Г. С. Сквороду! Позвольте....» — и подходитъ къ Сквородѣ. Спарецъ нашъ вскакиваетъ, сами собою складывающа крешомъ на груди его косплявыя руки; горькой улыбкой искривляется щее лице его; черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями, самъ онъ невольно изгибаеся, будпо желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и пренешнымъ голосомъ: «Позвольте!... То-же позвольте!» и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ, проситъ, умоляетъ — нѣтъ! — «Съ меня смѣются,» — говоритъ Скворода, — и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть X — а. — Свиданіе Сквороды съ Вернешомъ, другимъ чудакомъ Украины, было инаково; но это пошому, что Скворода былъ слышанъ о Вернешѣ, какъ о чловеѣ добромъ и просподушномъ. Скворода ожидалъ увидѣть въ немъ что нибудъ похожее на себя, шолько молодое, и ошибаясь, не могъ смолчать, и назвалъ Вернеша *жескилѣ башмаколѣ*. Вошъ на чѣмъ основы-

вається и несправедливість сужденій сего послѣдняго о Сковородѣ. У всякаго естъ свое самолюбіе, своя леспъ.

Говоря о бесѣдахъ, гдѣ проводилъ время Сковорода, не могу умолчать о порокахъ, въ коемъ его порицають совершенно безъ всякаго основанія. Сковорода былъ пьяница! Вошь что говоришь клевета, и, въ подтвержденіе словъ своихъ, избобрѣшаешь и печатаешь письмо, будпо имъ писанное, восклицая: «боченочки, боченочки!» — По сказанію всѣхъ, знавшихъ лично Сковороду, онъ почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ, да едва ли кто и говорилъ когда этому прошивное, исключая Издашелей Украинскаго Вѣспника (*). Сковорода вообще опличался особенною умѣренностію какъ въ

(*) Никто, даже изъ завистниковъ его, никогда не говорилъ, что Сковорода былъ пьяница, и Издашели Украинскаго Вѣспника не утверждали сего, а при случаѣ указали на противорѣчіе. Написавшій сшашью о Сковородѣ помѣщенную въ томъ Журнелѣ, приложилъ письма его къ Урючину, въ коихъ Сковорода, благодаря за присланные *ботеноски*, осушивъ ихъ, возвращаетъ и проситъ о напоевѣ и присылѣ своего; потомъ чрезъ нѣсколько страницъ утверждаетъ, что онъ не употреблялъ горячихъ напитковъ, по при семъ случаѣ Издашели У. В. напоминали только о содержаніи предшествовавшихъ писемъ выраженіемъ: „А боченочки, боченочки?“ —

нищѣ, такъ и въ питіи. Онъ былъ настоя- щій постникъ. Приномъ, еслибъ онъ имѣлъ порокъ, въ коемъ его обвиняють, то за- служилъ-ли бы онъ въ народѣ такое безпре- дѣльное уваженіе, которое сохранилось и до- селѣ. Народъ чтитъ память добродѣтельнаго старца, даже почитаетъ его за чловѣка просвѣщеннаго духомъ Божиимъ.

Кто изъ Украинцовъ не знаетъ, по край- ней мѣрѣ, не слыхалъ о слѣпцахъ, т. е. пѣхъ нищихъ слѣпыхъ, кои, въ сопровож- деніи малютокъ, родныхъ или наемныхъ, хо- дящъ изъ двора во дворъ и подъ окнами напѣвають священныя пѣсни? Это Украин- скіе рапсодисты. Большая часть пѣсней, кои поются ими, суть сочиненія Сковороды. Народъ называетъ пѣсни сіи *Псалмами*. Думаю, что угрожу любопытству нѣкопо-

Впрочемъ и самъ Г. С., написавшій сію статью о Ско- вородѣ, въ семъ мѣстѣ противорѣчитъ сказанному имъ выше, что Сковорода, выпивши на этотъ разъ лишнюю рюмку вина и проч. Слѣдовательно, хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію: въ дружескихъ и пріятель- скихъ собраніяхъ, поддерживавъ и одушевлявъ бесѣды употребленіемъ — не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ Крымскихъ и Волошскихъ и слыхомъ не было слышно, а — разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятель- скихъ.

Примѣч. Г. Θ. К — и.

рыхъ, переписавши здѣсь одинъ изъ сихъ Псалмовъ, который болѣе другихъ любимъ народомъ, и чаще другихъ поется *сѣвцами*. Выписываю подлинникъ изъ собранія сочиненій Сковороды.

I.

Всякому городу правъ и права;
Всяка имѣешь свой умъ голова;
Всякому сердцу своя естъ любовь;
Всякому люду свой вкусъ хоть каковъ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только неидеть съ ума,
Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

II.

Петръ для чиновъ углы паньскіи прешь;
Федька купецъ при аршинѣ все лжешь;
Тотъ спроешь домъ свой на новый манеръ;
Тотъ все въ проценкахъ: пожалуй повѣрь.

А мнѣ — и проч.

III.

Тотъ непрестанно спяжаетъ груиша,
Сей иностранны заводитъ скоша,
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.

А мнѣ — и проч.

IV.

Спроують на свой шонъ Юриспа права;
 Съ диспушь Спудента шерщитъ голова;
 Тѣхъ беспокоитъ Венеринъ Амуръ;
 Всякую голову мучитъ свой дуръ.
 А мнѣ — и проч. и — мнѣ А

V.

Смерти спрашна замашная коса!
 Ты не щадишь и Царска волоса;
 Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ Царь:
 Все жерешь пакъ, какъ солому пожаръ.
 Кшожь на ея плюешь оспрую спаль?
 Топъ, чія совѣсь какъ чистый хрусталь!

Теперь, для показанія того, какъ скоро
 и какъ искусно измѣняющся народомъ сочи-
 ненія, любезныя памяти его, перепису эту
 самую пѣсню изъ своего собранія народныхъ
 Украинскихъ пѣсень. Мимоходомъ замѣчу:—
 Если эша пѣсня, въ продолженіи какихъ ни-
 будь пятидесяти лѣтъ успѣла перемѣнись-
 ся, ошойши ошъ своего первоначальнаго
 вида, шо чпо подумаешь о пѣхъ народныхъ
 стихотвореніяхъ, кои сложены за три или
 чешыре вѣка до нашего времени? А

I.

Всякому городу правъ и права; XX

Всяка имѣешь свой умъ голова; XX

Всякому сердцу своя есть любовь; XX

Всякому люду своей вкусъ хоть каковъ. XX

А мнѣ — и проч. XX

II.

Тотъ непрестанно спяжаетъ грунша; XX

Сей со всѣхъ націй заводитъ скоша; XX

Ты дома строишь на новый манеръ; XX

Деньги съ проценту — пожалуй поверъ. XX

А мнѣ — и проч. XX

III.

Петръ для чиновъ углы панскіи претъ; XX

Федька купецъ при аршинѣ все лжетъ. XX

Крутитъ на своей ладѣ приказный права. XX

Съ диспушъ студенту тершитъ голова. XX

А мнѣ — и проч. XX

IV.

Тотъ на картинахъ малюетъ собакъ; XX

Въ шлѣхъ опѣ гостей домъ шумитъ, какъ кабакъ; XX

Сихъ безпокоитъ невѣрный Гамуръ. XX

Всякую голову мучитъ своей дурь. XX

А мнѣ — и проч. XX

V.

(5) Тотъ на прекрасной женился женѣ;
 Въ тѣхъ дома блещутъ, вѣнчались такъ, какъ и вы;
 Тѣ шестернями на бенкетъ лезли;
 Въ сѣдѣ для гостей чай и пунши кипятъ.
 А мнѣ — и проч.

VI.

(6) Тотъ иностранныхъ себѣ лошадей,
 Сей накупилъ драгоценныхъ парчей;
 Въ тѣхъ миллионы ревушъ въ сундукахъ;
 Въ тѣхъ горчатъ тысячи въ темныхъ углахъ.
 А мнѣ — и проч.

VII.

(7) Попъ ко всенощной до церкви нейдетъ.
 Онъ и безъ церкви всенощну найдетъ.
 Черный съ рогами бѣжитъ какъ мясель,
 Пхнулъ его за запонъ въ бѣлу постель.
 А мнѣ — и проч.

VIII.

(8) Тотъ у въ перинѣ по уши пурнулъ,
 Какъ послѣ маковки вшившись заснулъ.
 Съ теплыхъ перинъ не встаетъ до повднѣ.
 У церкву пойдши ему — що есть бриднѣ.
 А мнѣ — и проч.

IX.

Убо Кашаго старика Сива борода
 Сива въ того старика борода,

Мокра бываешь какъ чопъ завсегда.

Чопъ мнѣ не диво — въ барилѣ спремнись,

Разгѣ жъ и онъ все надъ чопомъ лежишь,

А мнѣ — и проч.

X.

Намъ судья дѣлаешь истинный судъ,

А въ его истинѣ жи целый пудъ.

Онъ и на нищихъ раздалъ сто рублей,

Что надралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей.

А мнѣ — и проч.

XI.

Онъ какъ забрался на ту бѣду, честь,

Черезъ свои поклоны, дары и лѣсть,

Удругъ издѣлался гордъ и спѣсивъ,

Сильно, пріятельно сребролюбивъ.

А мнѣ — и проч.

XII.

Честь, благородство за вѣтромъ лепишь;

Трупъ же смердящій смерть въ яму тащишь;

Все остается его при двору —

Тѣло несущъ на Холодную Гору.

А мнѣ — и проч.

XIII.

Каршники съ рогомъ кишки ирвуть;
 Пѣвчи спѣваючи горло деруть;
 Шляхшичъ за гоноръ и уха лишивсь,
 Швець съ копылами пьючи разгубивсь.

А мнѣ — и проч.

XIV.

2) Ткачъ кричитъ горе, шеперь я пропавь!
 Хлосъ мои цевки и берды покравь.
 Плачуща горько ^{мнѣ} наибольшее пожаръ:
 Бондарь, кравецъ, маляръ, плотникъ и скляръ.

А мнѣ — и проч.

XV.

Смерщи спрашна замашная коса!
 Ты не щадишь ни чѣмъ волоса.
 Ты не глядишь, де мужикъ, а де Царь!
 Все тси такъ, какъ весною пожаръ!

А мнѣ — и проч.

XVI.

Топъ плюетъ на ея острую спаль,
 У кого совѣсть, какъ чистый хрусталь!
 Охъ! мнѣ одна только въ свѣтъ дума,
 Мнѣ все одно только неидеть съ ума,
 Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

Сія Пѣсня вмѣстѣ съ другими (всѣхъ числомъ 27) составляетъ *Садъ Божественныхъ пѣсней старца Г.Сковороды*. Каждая изъ нихъ извлечена изъ особеннаго зерна, ш. е. особеннаго текста съ. Писанія. Всѣ онѣ заключающъ въ себѣ прекрасныя мысли, и если есть въ нихъ недоспашокъ, то конечно въ слогъ и выраженіяхъ, слишкомъ рѣзкихъ и извипельныхъ. Но и въ семъ отношеніи, надобно брать во вниманіе время, когда жилъ и писалъ Сковорода, образъ воспишанія, какое получили онъ, понятіе того времени о изяществѣ слога и выраженій; наконецъ, что всего важнѣе, самый характеръ Сковороды; — и какъ не спросить ему того недоспадка, въ которомъ онъ не былъ воленъ! Сочиненіе сихъ пѣсень относится почти къ тому же самому времени, какъ и *Натальная дверь ко Христіанскому добронравію*. Тогда же, или не много позже, были сочинены имъ и Басни, игрушки воображенія, его недоспойныя. Изложеніе оныхъ очень посредственно. Хорошія нравоученія вспрѣчаются рѣдко.

Но за этими Пѣснями и Баснями послѣдовали такія сочиненія, въ коихъ вполне выказались и философія и дарованія Сковороды. Это были его разговоры, разсужденія, романическія сочиненія, каковы: *Лотова*

*Антограф
Сочинения*

жена, Мусеники во имя Христа, Грѣшники; симфоніи, на пр.: Исповѣдь и Покаяніе, Путь къ вѣчности, Мракъ міра, Свѣтъ міра и пр., и множество другихъ. Не лѣзя осматривать безъ вниманія и его писемъ, гдѣ и образъ мыслей его и снранности характера видны лучше, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ, хотя и онѣ написаны также темно, также мисшически, какъ и всѣ прочія сочиненія (*).

Послѣднее время жизни своей прожилъ Скворода въ деревнѣ у Помѣщика К — го. Небольшая кѣлиатка, окнами въ садъ, опдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ онъ бывалъ въ ней очень рѣдко: обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Скворода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную.

(*) Здѣсь слѣдуютъ два письма Сквороды къ Священнику Бабаевского прихода Харьковскаго Уѣзда Іакову Правицкому. Но Издатель, по снранной орѳографіи, не нашелъ удобнымъ помѣстить здѣсь оныя. Должно замѣтить, что правописаніе или, правильнѣе сказать, *постаска* *литеръ* въ письмѣ у Сквороды опличалася тѣмъ отъ приняшаго вообще правила, что онъ не упошреблялъ вовсе буквы : ѣ, ѣ; сокращалъ слова, поставляя сверхъ шиплы, словошиплы и другія уменьшенныя буквы. Изд.

ненную и бродячую. — Вотъ что рассказываюшъ о его смерти.

Былъ прекрасный лѣтній день. Къ Помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться; послушать Сквороду — было также въ предмѣсть. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Скворода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое бывшее, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда вспали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Скворода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ пропinquамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сквороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листвень. Скворода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму, узкую, длинную — могилу. — «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ спарцу. — «Пора, другъ, кончить странствіе,» отвѣчалъ Скворода: «и такъ всѣ волосы слезли съ бѣдной головы отъ испязаній! Пора успокоиться.» — «И, братъ, пустое! Полно такъ шутить! Пойдемъ.» — «Иду; но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будешь моя послѣдняя хранина....» —

И пошли въ домъ ; но Сковорода не надолго въ немъ оспался. Онъ ушелъ въ свою *кѣмнатку* , перемѣнилъ бѣлье , умылся , помолился Богу , и , подложивши подъ голову свипки своихъ сочиненій и сѣрую свипу , легъ , сложивши на крестъ руки ! Долго его ждали къ ужину , — Сковорода не явился. На другой день упромъ къ чаю то же , къ обѣду то же. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату , чтобъ разбудить ; но , Сковорода лежалъ уже холодный , окостенѣлый....

Представляя сіи опривки на судъ вашъ и чипашелей Альманаха вашего , я долженъ извиниться въ незначительности оныхъ. Вы просили — я исполнилъ вашу просьбу какъ могъ. *Quid potui, feci.*

И. С. р. з. к.

Варваровка на Днѣпрѣ.

1853 , Февр. 11.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Эта спашья , находясь въ числѣ прочихъ въ портфель матеріаловъ для *Утренней Звѣзды* , была разсмотрѣна Г. О. К. Ему я одолженъ и за превосходныя примѣчанія , которыя нынѣ къ ней приложены. Хотя вшорое изъ сихъ примѣчаній , обличая меня въ ошибку , могло послужить къ

поправленію текста; но, почитая поприще литературное чуждымъ мѣлочныхъ расчешовъ, будучи увѣренъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо болѣе, нежели гдѣ — *sum cuique tribuere*, я почелъ за лучшее просто сознаться въ винѣ своей, — и, оставя замѣчаніе въ его собственномъ видѣ, ограничиться въ свидѣтельствovanіи моей достодолжной благодарности замѣчашелю, почтившему снателью мою столь лестнымъ для меня вниманіемъ.

И. С. р. з. к.

Харьковъ

21 Мая 1853.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Les hommes n'ont qu'un penchant décidé, c'est leur intérêt; s'il est attaché à la vertu, ils sont vertueux sans effort; que l'objet change, le disciple de la vertu devient l'esclave du vice, sans avoir changé de caractère: c'est avec les mêmes couleurs, qu'on peint la beauté et les monstres.

DUCLOS.

I.

Безмолвно подходили къ первой, изображавшей Невинность въ образѣ Пері; и долго смотрѣли, и прилежно всматривались, — и все въ ней плѣняло всякаго, и воспогрѣ и очарованіе были безмолвны.

Никто не умѣлъ, никто не могъ дать себѣ отчета въ величіи и красотѣ картины. Будто кисть волшебника начертала ее, будто волшебство разливала она вокругъ себя.

Творецъ ея стоялъ поодаль, опершись плечемъ о мраморную колонну, наклонивши голову, — и никто не думалъ объ немъ,

никшо не зналъ, никшо не замѣчалъ его. Взоры Художника были мупны, неподвижны. Улыбка презрѣнія къ самому себѣ и любви возвышенной къ Художеству волновались на лицѣ его. Онъ дрожалъ, но вовсе не отъ боязни услышанъ невыгодный судъ о своемъ произведеніи. Нѣтъ! Зрители для него не существовали. Онъ не зналъ, не замѣчалъ ихъ, не думалъ объ нихъ. Онъ видѣлъ Невинность, — и съ него было слишкомъ довольно. —

Прошелъ часъ. Зрители оспавались безмолвны, неподвижны, — и съ прежнимъ вниманіемъ, и съ прежнимъ благоговѣніемъ созерцали Невинность.

— Какъ долго! — воскликнулъ спарикъ, опходя отъ каршины, и спросилъ одного изъ Художниковъ, участвовавшихъ въ выставкѣ: — Скажите, почему это? — Они побѣждены, отвѣчалъ Художникъ, — и между тѣмъ тайная мука желанія побѣдить снѣдается ихъ. Едва ли имъ удастся. Впрочемъ — это-то и бѣда для Художника. Не удастся и ему. —

II.

Наконецъ объявили, что вынесена другая картина. Ударъ для всей толпы. Всѣ бросились опрометью къ новому предмету созерцанія.

Картина изображала Гордость въ образѣ Александра Македонскаго.

Прошла четверть часа, меньше четверти часа. Шопшъ и восклицанія, похвалы и награды Художнику опозвались оповсюду. Начались торги; начались споры. Всякій хотѣлъ оставить картину за собою, и никто не уступалъ. Живописецъ въ восторгѣ бѣгаетъ, суется, кланяется, мѣняется привѣтствіями. Радостью блискаетъ лице его; радостью — бьется сердце. Онъ — въ восторгѣ, а картина?

На нее уже никто не обращаетъ вниманія. Ее уже осмошрѣли, оцѣнили. Достоинство ея взвѣсили. —

— Какъ скоро! — воскликнулъ шопшъ же самый спарикъ, подходя къ оставленной картинѣ. — Скажите: почему? — спросилъ онъ того же Художника.

И вопшъ что Художникъ отвѣчалъ ему:

— Люди любятъ людей, а не ангеловъ. Люди любятъ недоспашки съ добродѣтелями,

а не добродѣтели безъ недоспаѣтковъ. Я
твердилъ это другу своему, Симеону, на-
писавшему Невинность, но онъ не понималъ
меня, и, что всего страннѣе, не поймешь
красоты звона червонцевъ въ укладиспомъ
карманѣ своего соперника.

Кто не угадаетъ конца? —

Творецъ Невинности оспался при своей
Невинности.

Творецъ Гордости перессорилъ за свою
Гордость всю знать между собою, и за свою
же Гордость и опъ нея же получилъ 500
червонцевъ.

БРЕДИТЬ.

The song comes, with its music, to melt and please the soul. It is like soft mist, that rising from a lake, pours on the silent vale; the green flowers are filled, with dew, but the sun returns in his strength, and the mist is gone.

OSSIAN.

Робко вошелъ я въ обширный залъ. Тысячи лампъ, сонни людей поразили меня: одинъ своимъ блескомъ, другіе своимъ убранствомъ и гордостью. И все такъ смрадно, такъ не спойно. — Хаосъ.

Наконецъ — прислушиваюсь.... До меня долетѣли звуки божественнаго Гайдена. Кто-то игралъ его адажію и напѣвалъ подъ эту неземную гармонию звуковъ величественныя спирофы Оды: *Боеѣ*. Торжество Поэзіи!

Въ моемъ воображеніи невольно предстала картина сотворенія Мира, и какъ ужасно было броженіе Хаоса, и какъ величественно Духъ Божій пронесся сквозь мракъ

оного, и какъ могущесивно въ благомъ полетѣ своемъ разсѣваль, разлагаль, успроиваль вѣчно волновавшійся дополъ Хаосъ міра, и какъ міръ спановился гармоніей....

Но божесивенная пѣснь не пронула хладнокровныхъ. Душа ихъ давно преобращилась въ камень, — и никакой булапъ не въ состояніи вырубипъ изъ него ни малѣйшей искры сочувствія. Душа ихъ — камень и камень далеко опброшенный опъ своего русла, камень безжизненный! Поняшіе о блаженствѣ жизни для нихъ ушрачено.

Одни кричали, махая благованными плапками: «божесивно! божесивно!» Но это были ледяные звуки, а не безсмертные слова! Драгоценныя благовонія, копорыя разсѣвали они по воздуху, были для нихъ дороже музыки. Можно было сказапъ, что слова ихъ къ нимъ опносились.

— «Дарованіе неподражаемое! Успѣхи невѣроятныя!» — восклицали другіе. Они удивлялись тому, что юная дѣвица такъ скоро выучилась со всей ловкостью выдѣлывать прудные пассажи, и не могли замѣшипъ, какъ человекъ могъ изобрѣспъ, распредѣлипъ и слипъ въ одно величественное цѣлое такіе звуки, такіе мысли, — не могли или не хотѣли поняпъ этихъ звуковъ, этихъ мыслей.

Я продрался сквозь толпу и увидѣлъ предметъ общаго разговора и удивленія — Пѣвицу. Довольно! Земной человѣкъ поржесивуешь!

Но сердце мое забилося. Не подумайте, друзья, о чемъ либо чувственномъ, каково-бы оно ни было. Чувство не могло такъ сильно меня пронуть, такъ быстро наполнивъ собою мое сердце. Я жалѣлъ....

За чѣмъ человѣкъ въ существѣ своемъ имѣеть такъ много плеснаго, такъ плесно думаешь, такъ плесно восхищаешься высокимъ, прекраснымъ! Для чего бы не имѣть ему понятія о невинности, любви, поэзіи, болѣе духовнаго, болѣе божественнаго! Уже ли подобныя понятія не могли бы проявляться не столь чувственно!

Правда. Глаза дѣвицы — лазурь небесная. Блескъ ихъ — блескъ солнца полуденнаго. Румянецъ горитъ невинностію зари утренняя. Улыбка ея очаровательна, какъ разсвѣтъ свѣтлозарной весны. Но взгляните на нее еще разъ, — и вы увидите, что она не болѣе, какъ темное, нескладное, безжизненное преданіе....

И ее слушаютъ не болѣе, какъ преданіе; слушаютъ только для того, чтобы не слы-

щаль : преданіе слишкомъ незанимательно ; слушающъ — изъ снисхожденія.

Я помню , и не могу забыть слова одного изъ наперсниковъ Духа Вселенной (Плафона) : музыка — даръ Божій , но не для того только ниспосланъ онъ къ людямъ , чѣмъ изнѣживающъ безсмысленныя чувства ихъ . Частно душа борется сама съ собою , и смуты свирѣпствуютъ въ оной , и чувствительность овладѣваетъ ею . Обезсиливъ чувства , воспановивъ власть души надъ самимъ собой и надъ чувствами — вопль высшее предопредѣленіе Музыки . »

Такъ думалъ онъ ; такъ думали , можешь быть , и давно , и не такъ давно , и даже теперь ; но какъ не много такихъ , кои захотѣли бы такъ думать ! Другое время , другія нравы , другія понятія .

Помните ли что писалъ одинъ Художникъ къ обществу своему ?

« Какими райскими часами наслаждался я , еще бывши юношей , въ большой залъ концерта ! Когда тихо и незамѣтно сѣдѣлъ я въ углу , очарованный великолѣпьемъ и поразительнымъ собраніемъ , какъ пламенно желало сердце мое , чтобы тѣ же самые слушатели собрались нѣкогда внимать моимъ твореніямъ и

мнѣ довѣрили мои чувсва! И нынѣ часто сижу я въ той же залѣ и свои уже произведенія разыгрываю; но на сердцѣ у меня не то, что было прежде. Удивляюсь, какъ могъ я воображать, чтобъ это сборище, горящее своимъ золотомъ и богатствомъ одежды, съѣзжалось для того, чтобъ наслаждаться искусствомъ, воспалять свое сердце и всѣми чувствами жерпвовати Художнику? — Если сии же самыя души, подъ сводами величественнаго храма, на священныхъ празднествахъ, въ то время, когда все высокое въ Религiи и прекрасное въ Искусствѣ согласною силою на нихъ дѣйствуеиъ, если и тогда онѣ холодны какъ ледъ, то имъ ли воспаляться въ залѣ концерта? — Нѣтъ, прошла пора искусства и вкуса къ изящному вышелъ изъ моды, онѣ не приличны обыкновеніямъ свѣтскимъ: наслаждаться произведеніемъ художественнымъ было бы такъ же смѣшно и странно, какъ спихами говорить въ томъ обществѣ, гдѣ для всѣхъ необходимостей жизни достаточно одной разсчетливой и для всѣхъ понятной прозы....»

А почему? — Художество перестало быть художествомъ, — и спало на равнѣ съ ремесломъ. Въ настоящее просвѣщенное время не мудрено опыскаиъ гениевъ и между споларами, и между поршными, какъ находятъ

между архипекторами, и п. п. Механизмъ художества понялъ, разложенъ; искусство стало наукой; воображеніе смѣнилось соображеніемъ; идеи подчинились приличію, модѣ; геніальность изсохла въ оригинальность; умъ довѣрилъ глазамъ и слуху; израненное сердце бьется будто по нуждѣ, его повѣряютъ маятникомъ. Не мудрено, что число геніевъ увеличилось. Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ безъ дарованій теперь гораздо меньше, нежели Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ съ дарованіями.

Кто скажетъ, чтобы Россини былъ не геній? Гдѣ его не хвалятъ? Его не лѣзя не хвалятъ, чтобы не показатъ ничтожества своихъ познаній; а кто захочетъ этимъ похвалиться? Глупъ, кто не находитъ великаго генія въ Россини, Вагнеръ - Скоппъ, Бальзакъ, даже Юліъ Жаненъ, — и, если хопише, въ книгопродавецъ Ладвока, издатель Книги сто одного.....

Кто не желаетъ, кто не имѣетъ нынѣ надежды не только прослыть, но даже и быть геніемъ?...

Гдѣ всего чаще твердятъ о богачествѣ? въ хижинѣ бѣдняковъ. — Такъ и съ геніями. —

Алмазъ полируютъ алмазною же пылью. — Алмазъ и пѣсухъ; — пѣсухъ и пшено; —

пшено и поденщикъ; — поденщикъ и геній; — геній и алмазъ.... Къ чему распро-
спираться? —

Далѣ и далѣ, — и я замечался. Звуки
подкрѣпляли мечпы мои.

Наконецъ они стихли. Мечпы мои прерва-
лись. Я подошелъ къ Пѣвицѣ, поблагодарилъ
ее за ея же собственное искусство, переска-
залъ ей свои мечпы, можешь быть, и не-
складно, по крайней мѣрѣ, съ жаромъ. Она
меня спокойно выслушала, отвѣчала мнѣ
одними ходячими привѣтствіями. Наконецъ
вспала. Мы разспались. Она подошла къ бра-
шу своему, — и я услышалъ на ухо ему ска-
занное слово: *Бредитъ!* — Правда! По край-
ней мѣрѣ, я желалъ бы, чпобъ это было
правда.

С.

